Т. Л. Миронова

ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 ГОДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ПРОТОГРАФА

Изборник Святослава 1073 г. – книга, имеющая документированную историю. На л. 263 об. сохранилась запись одного из двух писцов рукописи – «диака Иоанна» с датой (6581–1073 г.), с указанием имени заказчика книги – киевского князя Святослава.

Еще Н. Н. Дурново установил, что Изборник Святослава 1073 г. написан двумя почерками [Дурново 1924, 77–78]. Позднее Л. П. Жуковская выделила объем и виды работ, выполненных каждым из писцов [Жуковская 1987]. Первый писец написал: 1) л. 1 об. – текст и имена членов княжеской семьи; 2) л. 2 – текст над изображением Спаса; 3) л. 2 об. – похвалу; 4) лл. 2–86а – основной текст памятника; 5) первым писцом написан весь «Летописец вкратце», а также ему принадлежат исправления всего текста, мелкие рисунки и надписи на полях. Вторым писцом написан текст на л. 86 и до л. 263 и похвала на л. 263. «Столь разнообразные виды работ, выполненные первым писцом, и явно исполнительская функция второго, позволяют квалифицировать первого как организатора и руководителя всей работы по созданию Изборника Святослава 1073 г., умелого писца, талантливого художника» [Жуковская 1987, 55].

Первый писец рукописи Изборника 1073 г. оставил в книге записи со сведениями о князе Святославе и с датой создания кодекса. Эти сведения окружены в науке рядом загадочных обстоятельств. Исследователями данной книги давно установ-

лено, что имя князя Святослава у первого писца (**въ лѣто ѕфп҃а написа іωаннъ диакъ изборникъ сь великоуоумоу кнѧзю с҃тославоу** л. 263в) написано по стертой записи. Существует две гипотезы относительно имени, какое изначально было написано здесь. Согласно одной, первоначально стояло имя Изяслава, которого сменил в 1073 г. на киевском столе Святослав: по числу букв имя **иꙁѧславъ** равно написанному в записи под титлом имени **с҃тославъ**. Согласно другой гипотезе, сначала было некритически списано с болгарского оригинала имя Симеона царя Болгарского (893–927), а потом оно было выскоблено и заменено именем Святослава. Последняя гипотеза особенно поддержана болгарскими исследователями [Куев 1986, 3–23] и возникла после того, как в одном из поздних списков Изборника конца XV в. в приписке на месте имени «Святославъ» обнаружили имя «Симеонъ» [Розов 1981, 22–35]. Симеоново имя сразу породило устойчивую версию о древнеболгарском происхождении протографа Изборника, которую не удалось пока пошатнуть сторонникам первой гипотезы, увидевшим в имени Симеона в списке Изборника конца XV в. другого заказчика русского царя Симеона Гордого, известного своим книголюбием [Жуковская 1987, 45–62], и таким образом подвергнувшим критике версию о наличии у текста Изборника болгарского протографа, о существовании которого «никаких прямых фактов в науке нет» [Жуковская 1987, 48]. Сторонники гипотезы болгарского происхождения протографа Изборника 1073 г. помимо исторических аргументов, основанных на чтении имени Симеона в списке XV в., опираются на яркие графические признаки наличия старославянского протографа этого текста: юсовое письмо, старославянские орфографические написания, реликты глаголицы. Но графико-орфографическая аргументация такого рода не противоречит и версии о неболгарских источниках Изборника, как раз исследование графики и орфографии рукописи подтверждает данную версию.

Сопоставительный анализ палеографии Изборника Святослава с более ранними датированными рукописными книгами Реймсским Евангелием и Остромировым Евангелием, а также с тяготеющими к ним в отношении палеографии недатированными кодексами [Миронова 2001] показал, что

писцы Изборника 1073 г. были знакомы с традиционными начертаниями графем кириллицы, как представленными в рукописях группы Реймсского Евангелия, так и используемыми в рукописях группы Остромирова Евангелия. Одновременно мы находим здесь несколько начерков, неизвестных двум предшествующим группам рукописей и используемых в вариантах к уже известным прежде рисункам букв. Нам представляется, что эти новации палеографии Изборника Святослава 1073 г. появились не под воздействием протографа данного памятника, а в результате совершенствования графики кириллицы на древнерусской земле. Высокая вариативность начертаний свидетельствует еще и о том, что протограф этого текста был не кириллическим, а глаголическим, и поскольку писцы при транслитерации не могли копировать оригинал текста, а записывали его кириллицей, то они использовали при этом опыт работы с текстами предшествующих кириллических графико-орфографических систем. И это лишь первый палеографический аргумент в пользу гипотезы о глаголическом старославянском оригинале этого памятника.

К аргументации палеографического характера причислим и тот факт, что в Изборнике Святослава обнаруживается неустойчивость графики йотированных букв: а) написания типа **іѣсти**, представляющие особую графему **іѣ**, которая не имеет старославянских кириллических аналогов и могла возникнуть на древнерусской почве лишь при попытке транслитерировать глаголический **ѧ** в тех позициях, где древнерусский книжник слышал [ja]; б) написания типа **іѫ гѫ** наряду с традиционным **ѭ**, которые возникали и при транслитерации с глаголицы на древнейшую кириллицу в старославянских рукописях. Такие начерки являются закономерным результатом первоначального введения графической системы йотации в транслитерированный с глаголицы текст.

Еще одно палеографическое доказательство наличия у Изборника Святослава 1073 г. глаголического оригинала — использование трех графических вариантов буквы «юс малый» **ѧ**, **ѧ**, Δ. Все эти варианты «юса малого» употребляются в одинаковых графико-орфографических функциях, что свидетельствует о неумении писца распоряжаться известными ему графически-

ми формами несоотнесенных с древнерусской фонетической системой графем кириллицы при транслитерации глаголических текстов. Сам же глаголический протограф, естественно, не мог служить ему в этом случае образцом.

К палеографическим аргументам в пользу глаголического протографа рассматриваемого памятника можно добавить и наше предположение о влиянии глаголического ⰿ(м) угловатой глаголицы на новацию в написании м с петлей, опущенной ниже уровня строки в древнерусских памятниках, при этом у кириллической буквы м появлялись подобные глаголической модели широкие «плечики» и копировалась глаголическая соразмерность боковых мачт и петли по схеме ⰿ > м.

Глаголический протограф Изборника 1073 г. подтверждается и рядом ошибок в написаниях его текста, которые с большой вероятностью можно связывать с глаголическим письмом: 1) **своидьнъ** л. 10 вместо **своитьнъ**. Глаголические буквы ⱅ(т) и ⰴ(д) смешиваются во многих древнейших почерках (в Клоцовом сборнике, Македонском листке, Синайской Псалтири); 2) **съглiадаеть** л. 62 вместо **съвладаеть**. Глаголические буквы ⰲ(в) и ⰳ(г) сближаются по форме (ср. в Киевских листках, Зографском Евангелии и Синайской Псалтири). Кроме того сочетания **вл** и **гл** в глаголице могли образовывать лигатуры, в которых первый элемент становился менее отчетливым, и благодаря этому усиливалась вероятность ошибки; 3) **осмь си** л. 43 об. вместо **осмъıи**. Написание **с** на месте правой мачты **ъı** могло явиться при прочтении глаголической буквы ⰺ (i) с треугольником в нижней части, являющейся вторым элементом **ъı**, как ⱄ (с) (ср. начертания этих букв в Зографском Евангелии, Сборнике Клоца, Синайской Псалтири); 4) **помоiслить сѧ** л. 16 вместо **помъıслить сѧ**. Глаголическая буква ⱏ (ъ) с недописанным средним элементом была воспринята как ⱁ(о). Причем такая описка была возможна лишь на основе угловатой глаголицы; 5) в Изборнике Святослава 1073 г. встретилось несколько случаев написания **ѧ** на месте **ѣ**, которые также можно интерпретировать графически – букве **ѣ** в глаголице соответствовал знак ⰰ, который напоминал кириллическое **ѧ**: **по малѧи** л. 89, **въ мѣнѧк** л. 221, **обоурдѧ** л. 116; 6) наиболее убедительно на существование глаголического оригинала Изборника 1073 г. указывают ошибки

в числах, обнаруженные исследователями при проверке его текста по греческому списку [Баранкова, Бахтурина и др. 1988]. В статье **Ѵьсо ради ни боле не хоуждє ѵислъмъ соуть єѵаггєлиꙗ** Григорий Богослов, отвечая на вопрос, почему христианам было дано только четыре Евангелия, а не больше, ссылается на то, что и херувимы имели четыре лица. Однако в Изборнике 1073 г. в обоих случаях указывается число 3, а не 4: **триобразноє коуаггєлиє и хєровимъ трьлиѵьни** л. 176 об. Эта двойная ошибка возникла в результате воспроизведения писцом глаголической буквы ⰳ (г), обозначавшей число 4, посредством кириллической буквы **г**, обозначавшей число 3.

Палеографические и языковые данные о глаголических истоках Изборника Святослава 1073 г. суммируем с выводами искусствоведов, изучавших орнаментику этих памятников. В обширной литературе, посвященной миниатюрам и художественному оформлению рукописи Изборника Святослава 1073 г., также не находит доказательства идея о болгарских источниках этого памятника. Непосредственным образцом декора книги признаются византийские книжные кодексы [Лихачева 1977; Подобедова 1977], вышедшие из столичного императорского скриптория [Пуцко 1980; 1984; Бибиков 1996]. Так, В. Д. Лихачева, анализируя фронтисписы этой рукописи, доказывает, что в 1073 г. художники Изборника Святослава применили для архитектурных обрамлений фронтисписов *современный им* (выделено мною. — *Т. М.*) византийский образец [Лихачева 1977, 216]. Бибиков обнаруживает греческие параллели миниатюрам Изборника Святослава в кодексах именно XI в.: «Характерна близость в оформлении Парижского кодекса XI в. с почти современным ему Изборником 1073 г.: обе книги прекрасно иллюстрированы, переписаны каллиграфами, содержат миниатюры с изображением правящих семей — императорской в византийском варианте, великокняжеской в древнерусском» [Бибиков, 1996, 315].

М. В. Бибиков доказал, что формирование греческого прототипа Изборника 1073 г. «в том виде, в каком он был положен в основу славянского перевода, следует датировать временем правления Константина Багрянородного, но во всяком случае до 920 г.» [Бибиков 1996, 269], и он же убежден в том, что перга-

менный византийский кодекс – прототип Изборника – не был «богатой» книгой: «Рассмотренные сборники X в., тем более поздние, хоть и переписаны, по-видимому, в основном столичными каллиграфами, оформлены очень строго, даже скупо, словом, так, как оформлялось большинство полемических и гомилетических сборников в Византии IX–X вв.» [Бибиков 1996, 298]. Со скромно украшенными греческими сборниками Изборник 1073 г. контрастирует и в отношении своего роскошного орнамента, также признаваемого византийским [Протасьева 1974, 208] и присущего современным Изборнику Святослава греческим рукописям XI в. [Лихачева 1977]. При этом в орнаментах одной из двух заставок Изборника наблюдаются характеристические черты, свойственные Остромирову Евангелию, мотив «крина», другая заставка представляет самостоятельный геометрический узор, характером раскраски и цветовой гаммой она «передает впечатление византийской эмали» [Протасьева 1974, 208]. Следует подчеркнуть, что все художественные черты Изборника 1073 г. – миниатюры, фронтисписы, заставки и два раскрашенных красками инициала – имеют аналогии в современных Изборнику греческих рукописях и не находят прототипов в древнеболгарских кодексах IX–X вв., а преславские иллюминованные рукописи, на которые по устоявшейся традиции ссылаются исследователи, характеризуя декор Изборника Святослава [Иванова-Мавродинова 1968], не сохранились и лишь *на основании древнерусских памятников* восстанавливаются гипотетически. Итак, художественное оформление Изборника Святослава 1073 г. восходит к византийским кодексам того же времени и имеет параллели в современных ему образцах древнерусской книжности – Остромировом Евангелии, миниатюрах из Трирской Псалтири [Кондаков 1906], что свидетельствует о самостоятельном, без опоры на старославянский протограф, исполнении декора рукописи. Сам же протограф Изборника, будучи, по-видимому, глаголическим, должен был иметь орнаменты инициалов, мало совместимые с кирилловскими текстами, заставки же глаголических кодексов характеризовались простотой и аскетизмом исполнения.

Обратимся к анализу графико-орфографических систем, которые функционируют в данной рукописной книге. Осо-

бенностью рукописи Изборника Святослава 1073 г. является составной характер ее текста, а это означает, что протографы книги могли быть написаны в нескольких графико-орфографических системах – если сборник постепенно складывался на славянской земле или в единой графико-орфографической системе – если сборник был разом переведен с греческого.

Напомним, что Изборник 1073 г. написан двумя почерками, причем границы почерков не совпадают с границами текстов. Так что писцы рукописи, копируя либо готовый сборник (как предполагается рядом исследователей, сборник болгарского царя Симеона), либо самостоятельно составляя рукопись из различных текстов, вносили во вновь создаваемую книгу лишь такие изменения, которые обусловлены механизмами адаптации славянских графем в древнерусской языковой среде. Если принять предположение об изготовлении протографа рукописи в целом для болгарского царя Симеона, необходимо учесть две возможности: что он либо был переведен в Преславе с греческого, и тогда несет в себе графическую систему Преславской школы – систему древнейшей кириллицы [Миронова 1999], либо был доработан в Преславе, т. е. составлен из уже готовых старославянских текстов кирилло-мефодиевской эпохи, а также текстов, переведенных в Болгарии, и может сохранять следы еще более древних графико-орфографических систем, в частности системы архаической и древнейшей глаголицы. Третья возможность состоит в том, что к Болгарии времени царя Симеона эта рукопись отношения не имеет, и ее графико-орфографическая система не имеет признаков системы древнейшей кириллицы.

Именно эта третья возможность подтвердилась нашими исследованиями: основной массив рукописи Изборника Святослава 1073 г. обладает устойчивыми признаками графико-орфографической системы древнейшей глаголицы и не несет в себе черт древнейшей кириллицы.

1) В графико-орфографической системе текста Изборника Святослава 1073 г. (лл. 28–263 об.) употребляются две буквы редуцированных по схеме **ъ**=[ъ], **ь**=[ь]: **рѣчьнок** л. 120, **дъштицѫ** л. 152, **притъчꙗ** л.1 22, **оумьръшоу** л. 119 об. Возможные в тексте старославянского глаголического протографа «мены еров»,

видимо, корректировались в ходе транслитерации рукописи, реликты неразличения букв редуцированных численно незначительны, сохранилось несколько случаев неисправленных старославянских написаний форм презенса типа **наведетъ** л. 139.

2) Графико-орфографическая система большей части текста Изборника характеризуется функционированием трех букв носовых гласных: **ѧ**, **ѫ**, **ѭ**. Их функции соответствуют функциям данных графем в графико-орфографической системе древнейшей глаголицы: **ѧ**=[*ę] **проклѧша** л. 26, **осьлѧ** л. 86 об., **ѕемлѧ** л. 101, **трьпѧ** л. 148, **врѣмѧ** л. 160, **лежѧштѧ** л. 173, **волѧ** л. 175 об., **начѧло** л. 177, **бъішѧ** л. 264 об., **ѧ**=[*ję]: **приѧти** л. 165 об., **ѕмьѧ** л. 171 об., **прикланѧѧ** л. 130 об., **ѧѕъіцѣ** л. 161 об., **во каѕаниѧ** л. 200; **ѫ**=[*Q]/[*`Q]: **мѫжѫ** л. 94, **прикмлѫшти** л. 47 **ѕемлѫ** л. 123 об., **дшѫ** л. 125; **ѭ**=[*jQ]: **помажи ѭ** л. 59, **повиноуѭштинхъ** л. 30 об., **своѭ** л. 86, **дѣлаѭть** л. 119 об., **ѭность** л. 121, **ѭтробьнѣи** л. 124, **ѕемлю сиѭ** л. 137.

3) В Изборнике 1073 г. наблюдается последовательное функциональное разграничение букв **ѣ** и **ꙗ**: **ѣ** =[ě] **раѕдѣлаꙗ** л. 132 об., **мѣсѧчьное** л.142, **ꙗ**=[ja] **дьꙗволъ** л. 143. Следы функционирования буквы **ѣ** в значении [ja], как это имеет место в глаголической графико-орфографической системе, обнаруживаются в исключительных случаях: **отъ неѣ** л. 155 об., **ѣдите** л. 155 об., **ѣсть** л. 157 об.

4) Графико-орфографическая система древнейшей глаголицы, свойственная протографу Изборника 1073 г., отразилась в обозначении сочетаний «j + гласный» и «мягкий согласный + гласный» с помощью нейотированных букв и надстрочного знака: а) употребление графем **а**, **е**, **оу**, **ѫ**, **ѧ** при обозначении звуковых сочетаний «j + гласный» и «мягкий согласный + гласный»: **христи'анъ** л. 27, **'ересь** л. 26, **дрьѕновени'е** л. 86, **'есть** л. 85 об., **нарица'емъінхъ** л. 119 об., **лоубить** л. 125, **сво'его** л. 173, **мьнѫ** л. 150 об., **ѕемлѫ** л. 123 об., **прикмлѫшти** л. 47, **диаволк** л. 29 об., **ѕемлоу** л. 101, **црѫ** л. 185, **оставленик** л. 176, **беѕ дъжда** л. 199; б) этот способ обозначения звуковых сочетаний с [j] и мягким согласным сосуществует в тексте рукописи со способом обозначения тех же сочетаний йотированными буквами гласных, который освоен на Руси при использовании в книгописании графико-орфографической системы позднейшей кириллицы. В

этом случае для обозначения звуковых сочетаний «j + гласный» и «мягкий согласный + гласный» используются йотированные буквы ꙗ, ѥ, ю, ѩ: ѥретика л. 119 об., коѥ л. 120, житьꙗ л. 122 об., хвалю л. 122, ꙗсть л. 124, послѣдьнѧꙗ л. 149 об., люди л. 150, ѥѕекиѥвꙑ л. 155, троѥ л. 158, лодиꙗ л. 158, прошꙗше л. 172, диꙗволе л. 172, пьѥте л. 126, стителꙗ л. 33 об., оцю 34, любити л. 34. Эти два способа обозначения одних и тех же звуковых сочетаний существуют в тексте «на равных правах».

5) Диакритическая система Изборника Святослава 1073 г. сохраняет древние четыре функции надстрочных знаков весьма последовательно, несмотря на спорадическое внедрение йотированных букв гласных, частично дублирующих функции диакритики. Надстрочные знаки в данном памятнике имеют следующие значения: а) они выражают значение звука [j] перед гласным: диаволѥ л. 29 об, мѣсѧчьное л. 142, диакъ л. 75, ѕълоуѩ л. 29; б) диакритика обозначает начало слова, если оно начинается с гласного звука: аште л. 28, оць л. 44, оуготова л. 34; в) надстрочные знаки выражают значение редуцированного звука, при функционировании этого звука, во-первых, в слабой позиции: кнѧѕь л. 97 об., реѴет л. 29, мнѧхоу л. 114, двоѫ л. 22, вса л. 28, нѣкто л. 148, всѧчьскꙑ л.176, и во-вторых, в позиции второго полногласия: исплънь л. 178, трьпѧще л. 29, гърдоѥ л. 31 об., прѣсъвьршено л. 37 об. Кроме того, надстрочный знак обозначает гласные звуки, сходные с редуцированными в словах типа алеѯандръ л. 28; г) в число функций надстрочных знаков входит в Изборнике Святослава 1073 г. обозначение исконной мягкости согласных звуков: приѕрю л. 34, похождю л. 33 об., томлѧше л. 136, ѕемлѧ л. 101, римлѧнемъ л. 86.

Все эти данные, извлеченные из основного массива текста Изборника, в комплексе свидетельствуют о бесспорном наличии у него протографа, написанного в системе древнейшей глаголицы, причем транслитерированного на Руси. О наличии протографа на древнейшей глаголице говорит, в частности, и факт неполной разработки системы йотированных букв, отразившийся в тексте Изборника Святослава. Это касается прежде всего значения буквы ꙓ (так называемого йотированного «ять»). Видимо, в тексте Изборника прошла апробацию кириллическая графема «ять» в йотированном облике, которая

не известна нам по старославянским памятникам древнейшей и позднейшей кириллицы.

Итак, мы склоняемся к мысли, что основной текст Изборника 1073 г. не имел старославянского кириллического протографа. Об этом, впрочем, впервые написал А. Л. Дювернуа во втором издании Изборника в 1883 г. Его предположение впоследствии было поддержано многими исследователями, и оно в свете наших данных становится аргументированной гипотезой, которая, в свою очередь, отодвигает болгарскую версию происхождения протографа Изборника из среды книжников царя Симеона: «Для Симеона Болгарского он должен был быть переписан кириллицей, поскольку еще в начале своего правления Симеон в качестве государственного письма утвердил кириллицу» [Жуковская 1987, 55]. Укажем наиболее важную сторону наших выводов: особенностью рукописи Изборника 1073 г. было то, что текст на древнейшей глаголице проходил на Руси транслитерацию на кириллицу, известную киевским писцам по системе позднейшей кириллицы типа Остромирова Евангелия. Сложность графики и орфографии этого текста как раз и состоит в том, что здесь произошло соединение особенностей глаголического протографа с его тремя буквами носовых, отсутствием йотированных букв, функционированием буквы ѣ в значении [ja], с известной писцам графико-орфографической системой позднейшей кириллицы типа Остромирова Евангелия с ее парными соответствиями йотированных и нейотированных букв гласных звуков, четвертой буквой носового гласного ѩ, четким функциональным разграничением графем ѣ и ꙗ. Кроме того, на данные системы в их сложном сочетании наложились написания, обусловленные механизмами адаптации старославянских графических моделей в древнерусской языковой среде.

Еще более сложное сочетание разных старославянских графико-орфографических систем с результатами их древнерусской адаптации представляют другие фрагменты текста Изборника 1073 г. – лл. 2 об. – 27 и лл. 264–266. Написания данных листов при всей разнородности своего состава указывают на наличие у них протографа, созданного в графико-орфографической системе архаической глаголицы, той графико-ор-

фографической системе, которая была введена св. Кириллом. Главным аргументом в пользу этого утверждения являются примеры нерасчлененного употребления буквы ѫ в значении [*Q]/[*`Q]/[*jQ]: ѫ=[*Q]/[*`Q]: **прославлѫ** л. 14, **мнѫ** л. 19, **противѫ** л. 16 об., **г҃лѫть** л. 16 об.; ѫ=[*jQ]: **мариѫ** л. 24, **вѣроуѫ** л. 20 об., **братиѫ** л. 7 об., **сѫштиѫ** л. 11. Примеры последнего типа имеют в данном случае определяющее значение: подобную нерасчлененность функций ѫ находим именно в старославянских памятниках архаической глаголицы [Миронова 1999].

На систему архаической глаголицы, отраженную на указанных листах, также накладывается графико-орфографическая система позднейшей кириллицы, которой обучены писцы Изборника 1073 г.

На основании уцелевшего, очень древнего графико-орфографического признака – нерасчлененного функционирования буквы носового ѫ – логично допустить для текстов на лл. 2–27 существование протографа, созданного в системе архаической глаголицы. Это предположение подтверждается и текстологически: собранные на этих листах тексты имеют вероучительный характер первоначальной катехизации, они объясняют истинность христианской веры и смысл ее основных догматов: гл. 1 л. 4–5 – Толкования Василия Великого о Св. Духе; гл. 2 л. 5–9 – Слово Кирилла Александрийского о Св. Троице, гл. 3 л. 9 – Слово Исидора Пелусиотского «О едином», гл. 4–5 л. 9–15 – Слова Иустина Философа «О правой вере», гл. 7 л. 16–17 – Слово Григория Нисского «От оглашеника», гл. 8 л. 17–20 – Слово Иоанна Златоуста «К коринфянам», гл. 9 л. 2–23 – Михаила Синкелла Иерусалимского «Написание о правой вере», гл. 10–15 л. 23–27 – «О святых вселенских соборах». Все эти тексты в их кратком объеме словно специально подобраны для просвещения новообращенных христиан, они могли быть в числе переводов, исполненных свв. Кириллом и Мефодием с миссионерской целью. Просветительская работа свв. равноапостольных братьев могла быть направлена, в первую очередь, на моравского князя и его семью. Князь же Святополк, по замечанию Н. К. Никольского, был тем просвещенным христианским государем, годы правления которого «оставили по себе глубокую память у греческих и латинских писателей». Константин

Багрянородный еще в X в. называл его мужественным и страшным для соседних народов [Никольский 1930, 58].

Так, на основании графико-орфографического анализа рукописи Изборника Святослава 1073 г. можно реконструировать его протограф, который, очевидно, представлял соединение двух текстов — текста в системе архаической глаголицы (раннего — доморавского времени) и текста в системе древнейшей глаголицы (более поздней — моравской эпохи). Оба старославянских комплекса текстов носили, безусловно, богословско-экзегетический характер, были переведены с целью катехизации, и наличие в Изборнике текстов, списанных со старославянских протографов двух разных графико-орфографических систем свидетельствует о том, что перевод частей Изборника был осуществлен разными переводчиками, работавшими в разное время, благодаря чему памятник отразил процессы эволюции старославянской графико-орфографической системы глаголицы. Транслитерация глаголического текста Изборника 1073 г. в целом на кириллицу могла быть проведена на Руси.

Проблема появления на Руси старославянских протографов графико-орфографических систем архаической и древнейшей глаголицы представляет значительную трудность в разрешении. Можно предположить, что эти глаголические тексты прибыли на Русь еще в период мораво-древнерусского взаимодействия и оказались востребованными только во второй четверти XI в. Такое развитие событий маловероятно, поскольку книги-протографы вне употребления вряд ли могли в древнейшую эпоху русской истории храниться столь долго — более полутора столетий компактным массивом без использования. Путь глаголических книг в Киевскую Русь должен был быть особым и проложен в более позднее время из тех мест, где могло развиваться славянское глаголическое книгописание, да еще в нереформированных графико-орфографических системах архаической и древнейшей глаголицы.

Нам представляется, что источником подобных книжных поступлений мог быть Афон. Сведений об Афонских монастырях как обителях, давших приют ученикам свв. Кирилла и Мефодия, не сохранилось. Но на это указывает ряд косвенных фактов, в том числе и тот, что в Афонском монастыре Ксилургу

в XI–XII вв. существовали списки книг на славянском языке, в состав которых входят апостолы, ирмологии, синаксари, паремейники, менологии, творения Ефрема Сирина и номоканоны, что свидетельствует о бытовании здесь большой книгописной мастерской [Ильинский 1908, 40]. К. Нихоритис, специально исследовавший проблему афонского славянского книгописания, в работе «Афонская книжная традиция в распространении старославянской литературы» пришел к выводу о необходимости введения в научный оборот термина «афонская книжная традиция» применительно к текстам кирилло-мефодиевского цикла – и прежде всего к службам Константину-Кириллу Философу и Мефодию, «Похвальному слову Кириллу», житиям Наума и Климента Охридских: «Все эти памятники, как и творчество солунских братьев и их учеников, были сохранены и переписывались в Святой Горе, а затем расходились по разным славянским землям» [Нихоритис 1987, 223]. То есть документально подтверждено существование афонской традиции славянского книгописания для монастырских нужд и с целью распространения книжности в славянских землях: «Афон в сущности – это единственная в своем роде книжная среда, где в прямом взаимодействии существовали византийская и старославянская литературы» [Нихоритис 1989, 208]. Подобная ситуация могла складываться и в Синайском монастыре св. Екатерины, где еще в прошлом веке был обнаружен памятник, написанный графикой древнейшей глаголицы, – Синайская Псалтирь. В таких достаточно замкнутых от мира, от живой языковой славянской речи местах графика архаической и древнейшей глаголицы могла существовать в нереформированном виде длительное время, это означало, что трехъюсовое глаголическое письмо в графике угловатой глаголицы могло оказаться единственной формой славянской письменности, а словарный состав текстов вновь создаваемых переводов должен был быть близок лексике первого литературного языка славян.

Эту гипотезу подтверждают лексикологические исследования памятников рассматриваемой здесь группы. Так, Е. М. Верещагин при анализе ветхо- и новозаветных цитат Изборника 1073 г. пришел к заключению, что «ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике, отличаясь текстуально (в том

числе и лексически) от сопоставимых псалтирных и евангельских стихов, не дают оснований говорить о лексическом своеобразии памятника по сравнению с древнейшими славянскими источниками. Напротив, материал цитат показывает, что Изборник 1073 г. в плане лексики совпадает с древнейшими славянскими текстами, т. е. Изборник отражает словарный состав первого литературного языка славян без территориальных особенностей» [Верещагин 1977, 136–137]. Р. Павлова при изучении лексики Изборника 1073 г. доказала значительную степень независимости словаря этого памятника от древнеболгарского словарного запаса. По данным Павловой, из 268 мотивированных агентивных существительных 122 не встречается в древнеболгарских текстах, в Изборнике 1076 г. это соотношение равно 101 и 27 [Павлова 1989, 128–129].

Еще раз укажем на особенное – богословско-экзегетическое содержание Изборника 1073 г. и приведем также несколько дополнительных аргументов в пользу того, что исследуемый памятник явился результатом независимых от болгарской книжности переводов.

К примеру, Я. Н. Щапов доказал, что «сравнительное изучение текстов «Написания о правой вере» в Изборнике 1073 г. и Кормчей Ефремовской редакции показывает, что мы имеем дело с двумя различными обработками этого сочинения. Существует два самостоятельных (как показывают различия в отдельных терминах перевода и в греческих оригиналах сочинения) древнеславянских перевода трактата о Православной вере. Что касается древнеславянской кормчей 14 титулов без толкований (Ефремовской редакции), то языковедческий анализ отдельных ее частей привел таких лингвистов, как С. П. Обнорский, В. И. Ягич, А. И. Соболевский, И. Вашица, к мнению о болгарском, в частности, восточно-болгарском происхождении ее перевода. Поскольку наиболее поздняя статья кормчей датируется 912 г., работа по переводу была завершена после этого года [Щапов 1977, 340–341]. В таком случае, если предположить болгарское происхождение перевода Изборника 1973 г., то непонятны причины появления двух независимых друг от друга переводов одного и того же текста в одно время в одном месте. Такие же вопросы встают

при знакомстве с выводами Е. И. Державиной, которая установила, что статьи Изборника 1073 г. «О македонских месяцах» и глава из «Богословия» Иоанна Экзарха «о огню, свете и о светилехъ», восходящие к одному источнику – «Диалектике» Иоанна Дамаскина, являются разными переводами одного и того же текста, причем «Богословие» Иоанна Экзарха, безусловно, имеет болгарское происхождение [Державина 1922, 265]. Причина появления параллельных переложений одного и того же текста в Болгарии здесь тоже не поддается объяснению. Зато предположение о неболгарских истоках перевода Изборника снимает неразрешимость данного вопроса.

Интересны в подкрепление идеи о независимости текста Изборника 1073 г. от древнеболгарской книжной традиции материалы различий в обозначении буквами чисел «второго десятка». Как установлено Р. А. Симоновым, во всех старославянских рукописях «числа второго десятка записываются по правилу “единицы + десяток” т. е. отличному от типично византийского. В Саввиной книге запись чисел второго десятка встречается более 70 раз и только однажды по византийскому принципу (л. 44 об.). Единственный случай отмечен в Енинском Апостоле. В Супрасльском сборнике, где числа второго десятка приводятся около 20 раз, трижды попадается запись по византийскому правилу. В остальных источниках, где есть числа второго десятка (Листки Ундольского, Хиландарские листки), – славянский порядок» [Симонов 1977, 180]. Но в Изборнике Святослава 1073 г., о котором принято говорить, что он имеет древнеболгарский протограф, «порядок компонентов чисел второго десятка представлен преимущественно византийским типом. Другого рукописного источника XI в., столь “византизированного” в цифровом отношении, указать нельзя» [Симонов 1977, 181].

И в самом тексте Изборника Святослава 1073 г. имеются содержательные черты, отличающиеся от традиционно византийских богословских представлений, известных по другим древнерусским источникам, имевшим болгарское посредничество. В Изборнике Святослава 1073 г. перевод Символа Веры Михаила Синкелла существенно отличается от такого же Символа Веры, находящегося в «Повести временных лет»:

одни исследователи усматривают в Символе Веры Изборника «своеобразную трактовку христианства» и «независимость от византийской ортодоксии» [Бондарь 1990, 71], другие склонны видеть в особом тексте Символа Веры следы еретических западноирландских представлений, в которых в свое время обвиняли Мефодия [Мильков 1997, 338]. Мы же в связи с афонской версией прибытия данных текстов на Русь предполагаем, фрагменты мефодиевских переводов, действительно, могли попасть в состав старославянского протографа Изборника при формировании его на Афоне учениками Мефодия.

Афонский источник поступления рукописей на Русь в 50–60-е гг. XI в. устанавливается по историческим данным. Основатель Киево-Печерского монастыря Антоний Любечанин провел часть жизни на Афоне и вернулся на Родину по благословению своего духовного отца [Ильинский 1908; Подскальский 1996]. Впоследствии Антонию пришлось еще раз удалиться на Афон, откуда он опять был призван в Киево-Печерский монастырь, где закончил свою жизнь в одном из скитов. Ученик св. Антония св. Феодосий Печерский, уже к 1062 г. являвшийся игуменом Печерского монастыря, вводит в нем Студийский Устав, специально переведенный с этой целью в Византии. Ко времени успения Феодосия – 1074 г. – Киево-Печерский монастырь находился под особым покровительством князя Святослава Ярославича [Повесть временных лет 1951]. Таким образом, появление в Киево-Печерском монастыре глаголических книг, связанных преданием с именем Мефодия, привезенных, возможно, самим Антонием Печерским, транслитерированных по благословению св. Феодосия, – вполне допустимый источник появления Изборника Святослава 1073 г. на Руси. Как писал Г. А. Ильинский, «переведенные или переписанные на Афоне произведения не оставались в стенах его монастырей, но в десятках и сотнях списков расходились по другим центрам славянского мира, повсюду распространяя византийские идеи и идеалы. Афон служил для славян не только своего рода научно-литературной лабораторией, но и передаточным пунктом и посредником в деле практического усвоения начал византийской культуры славянскими народами» [Ильинский 1908, 11].

О возможной в этот период времени в Киеве работе по транслитерации глаголических рукописей свидетельствуют некоторые надписи Софии Киевской, близкие в отдельных чертах графико-орфографической системе Изборника Святослава 1073 г. Палеография этих надписей откомментирована С. А. Высоцким как аналогичная начеркам Изборника Святослава 1073 г.

Обучение глаголице в данную эпоху в Киеве, возможно, предполагало лишь умение читать ее с целью правильной транслитерации на кириллицу, и потому в киевских надписях мало глаголических граффити – всего десять, причем это не слова, а лишь отдельные буквы. Единственная связная глаголическая запись, в которой, кстати, четко просматриваются модели угловатого глаголического письма, – это подпись **ⰳⰻⱂ** (**г҃ип{омоѕи}**) под датированным (до 1076 г.) граффити: **съпаси г҃и кагана нашего с҃** (№ 13).

С. А. Высоцкий обосновал отнесенность записи о кагане к князю Святославу Ярославичу, с именем которого связано появление Изборника 1073 г. [Высоцкий 1966, 49–52]. Так косвенно подтверждается, что в период княжения Святослава Ярославича в Киеве осуществлялась работа по транслитерации рукописных книг с глаголицы на кириллицу.

Итак, приведенные свидетельства неболгарских истоков Изборника Святослава 1073 г., текст которого создан в результате транслитерации старославянских оригиналов с архаической и древнейшей глаголицы на кириллицу, позволяют нам высказать гипотезу о возможном прибытии протографа этого памятника с Афона, где сохранялась традиция старославянского книгописания на глаголице в X – 1-й половине XI в.

ЛИТЕРАТУРА

Баранкова, Бахтурина и др. 1988 – *Баранкова Г. С., Бахтурина Р. В., Владимирова Л. А., Жуковская Л. П., Молдован А. М., Пичхадзе А. А.* Изборник Святослава 1973 г. Некоторые древнерусские южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание: X международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988.

Бибиков 1996 – *Бибиков М. В.* Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.). М., 1996.

Бондарь 1990 — *Бондарь С. В.* Философско-мировоззренческое содержание Изборников 1073 и 1076 гг. Киев, 1990.

Верещагин 1977 — *Верещагин Е. М.* Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике Святослава 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977.

Высоцкий 1966 *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.

Державина 1992 — *Державина Е. И.* Культурные связи древнего Киева (Статья о «македонских месяцах» в составе Изборника Святослава 1073 г.) // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. Сб. 5. М., 1992.

Дурново 1924 — *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI–XII вв. как памятник старославянского языка // Јужнословенски филолог. Кн. IV. Београд, 1924.

Жуковская 1987 — *Жуковская Л. П.* Загадки записи Изборника Святослава 1073 г. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.

Иванова-Мавродинова 1968 — *Иванова-Мавродинова В.* За украсата на ръкописите от Преславската книжовна школа // Преславский сборник. 1968.

Ильинский 1908 — *Ильинский Г. А.* Значение Афона в истории славянской письменности // ЖМНП. Т. XVIII, ноябрь. СПб., 1908.

Кондаков 1906 — *Кондаков В. Н.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.

Куев 1986 — *Куев К.* Похвала на цар Симеон — реконструкция и разбор // Старобългаристика. София, 1986. № 2.

Лихачева 1977 — *Лихачева В. Д.* Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977.

Мильков 1997 — *Мильков В. В.* Кирилло-мефодиевская традиция и ее отличие от иных идейно-религиозных направлений // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.

Миронова 1999 — *Миронова Т. Л.* Эволюция графико-орфографических систем древнеславянского книжного наследия. М., 1999.

Миронова 2000 — *Миронова Т. Л.* Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X–XI вв. М., 2000.

Никольский 1930 — *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

Нихоритис 1987 — *Нихоритис К.* Атонската книжовна традиция в разпространението на старобългарската литература (неизвестни и непроучени материали). София, 1987.

Нихоритис 1989 – *Нихоритис К.* Атонската книжовна традиция в распространението на кирило-методиевски извори // Втори международен конгрес по българистика. Доклади кирило-методиевистика симпозиум. София, 1989.

Павлова 1989 – *Павлова Р.* Въпроси на редакциите на старобългарски език // Втори международен конгрес по българистика. Доклади кирило-методиевистика симпозиум. София, 1989.

Повесть временных лет 1951 – Повесть временных лет. М., 1951.

Подобедова 1977 – *Подобедова О. И.* Изборник Святослава 1073 г. как тип книги // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977.

Подскальский 1996 – *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. СПб., 1996.

Протасьева 1974 – *Протасьева Т. Н.* Византийский орнамент // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Вып. 2.

Пуцко 1980 – *Пуцко В. Г.* Об источниках миниатюр Изборника Святослава 1073 г. // Academie Bulgare des sciences. Jnstitut d'etudes Balkaniques. Etudes balcaniques. София, 1980. № 1.

Пуцко 1984 – *Пуцко В. Г.* Знаки Зодиака на полях Изборника Святослава 1073 г. // Palaeobulgarica. София, 1984. Т. 8. № 2.

Розов 1981 – *Розов Н. Н.* О датировке и локализации кирилло-белозерского списка Изборника царя Симеона // Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981.

Симонов 1977 – *Симонов Р. А.* Числовые обозначения в Изборнике 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977.

Щапов 1977 *Щапов Я. Н.* «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и древнеславянской Кормчей Ефремовской редакции // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977.